

Посвящаю П. А.

*А теперь пребывают сии три —
вера, надежда, любовь,
но любовь из них больше.
1Кор. 13:13*

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

1

Се, стою у двери и стучу;
если кто услышит голос Мой и отворит дверь,
войду к нему и буду вечерять с ним...

Откр. 3:20

На Странника, в Самсонов день воскресный, дождём с утра немного покропило, потом развеяло. На плётне виноградном вьюнки раскрыли тонкие цветки, запахло колдовским медовым взваром лип, густым и сонным. Сад захмелел, по конским щáвелям испарина прошла, шиповник опадал; второй зацвет взяла Мария, роняя с вялых чаш спитые лепестки, выкручивая алые венки из куколок бутонов. От кучи перегноя за калиткой поплыл сенной навозный пар. Покойника стирьё, старухино бельё и детские рубашки застыли на верёвке бельевой, и солнце стало в тусклом мареве как в студне.

На полотенце, крылья шоколадные сложив, присела бабочка, как сквозь себя смотрела в небо

синим глазом; с распятыя пугала застрекотали на кота Добжанского синички.

Дверь скрипнула, осыпав сор навеса за порог, назад поволоклась. Косой притвор ударил в бубен сита, половник звякнул о дуршлаг, подпрыгнуло ведро, дверь распахнулась. Выйдя из тени веранды на крыльцо, она сказала:

— Странноприимец, Странник, ангелерадетель твой, Петрушка, сушить. Теперь семь дней дождя не жди.

«Добра не жди», — послышалось ему; понравилось, что странник. Он посмотрел в булавочное хитрое лицо защёпленного в пальцах комара, сдавив покрепче, вытер о коленку, зевнул и взглядом поискал в завалах хламовых беседки палки от сочка, но только удочку нашёл свою с заржавленным крючком и папин спиннинг, складной, с оранжевой рулеткой, с шикарным флуоресцентным поплавком, который всё равно не разрешала брать; зевнул опять.

— Зевашь — ворота закрывай, чаво собакой лязгашь. Наловишь мух, отложат яйцов по кишкам, и будешь червяков кормить.

— Не буду.

— Будешь, бабушка сказала, все будем, шире разевай.

Покойник не любил, когда они поспорят, любил, чтоб дело миром шло у них, и, если что, стучал из-за стены живой кулёшкой и кричал:

— Бъять, бабы! Бъять!

— Ну сё, вступила поясница, бьять тебе...

— Бъять, бабочка моя! Бъять, баба...

Часть первая

— Де б'ять тебе, де б'ять? Чаво, за Зинкой, мож, сходить? Под хроб глуха любов-то стала...

И если их не выходило припугнуть, перемирить, то плакал.

— Ну ты смотри чаво наделал паразит, доволен, неть? Весь день теперь не будет спать, проклятый.

— А я-то, баб, чего...

— Бязмужней ходить девка на сносях, с чаво ль бы ветром занясло, чаво иму.

Чертя беду на все лады, она пошла покойника проверить, из дома позвала:

— Петруш! Иди, огадились опять...

За дальним лесом низко грохотнуло, перекачилось к Клязьме, вниз к водоканалу, расплавилось в густой кузнечный хор. Сверкая штыковой, пошла войной за Волгу грозовая туча, оса задрезжала о стекло. Отдвинув гробовины уголок и пальцем удавив осу меж складок, прищурясь въедливого солнца, она всмотрелась за забор:

— Не видишь, Петь, не Дергунову чёрт несёть?

— Не, ба.

— И всё же язычок прибрать греха подальше, с утра носило первой линией жмею, под вечер точно жди.

И, тяжело вминая половицы, с опаской на покойника косясь, из счётчика разбитого достала язычок газетный, сложенный в четыре, который через трещинку в окошке колёсико, чтобы «не набегало чёрти што», держал.

Покойник не любил, когда лихуют с государством, был партийный. В коробочке его лежали

многие медали, и обещала их на пугало — ворон смешить — повесить, если проклятый будет его зить.

— Мне повоюй! мне повоюй, осподень тлен. Он, в партию пиши, как бабка с сиротиной Хремль граблють, траву с земли, кору с горы, за инвалидность за твою на хроб не соберёшь, ори. Кондратий хватить — закопаем вон с Петрушкой за забором. Да, Петрушка?

— А?

— Что жизнь прожил, что нет, мядали бабе с детой грызть твои?

— Они не золотые, баб?

— При коммунизмах, дето, только зубы золотые: помрём — возьмёшь в сарае гвоздодёр... «Орлёнок»-то хотел? От... будет с двух хробов вялосипед.

И, усмехнувшись, сунув язычок в бездонный фартука карман, окончив спор победой, захромала из пустой, до щеп притреснув разговоры дверью.

Пустая комната звалась *пустой* с тех пор, как из неё перетащили на веранду папы кресло, и, кроме холодильника и деда, в ней больше не осталось ничего.

— Бьять, баба.

— Де, гляди? Смотри де, посмотри...

Покойник посмотрел за гробовины отогнутый уголок — как там сверкает-зеленеет за окошком, на пугала вороньего рукав, на флоксов шапки, на узкую заросшую тропинку под верёвкой, которой солнышко полощет бельецо, закрыл глаза. Устал.

Часть первая

Петруша отпустил обзорный занавески край и вышел.

— Утих?

— А Дергунова, баб-то, может, не придёт, ты вставь пока, а я её подкараулю у забора...

— Подкарауль, Петруш, не приведи осподь, как с холодильника горим.

«Не проведи», — послышалось ему. Меня не проведёт...

После обеда опустели дачи. Горожане разъезжались, за ними затворяли ворота кривых заборов пенсионеры-старички, и голоногая вечерняя Москва их снова открывала и пинала, и конница велосипедная загрохотала, пыля дорожной насыпью, в Гороховы поля, к пруду.

Петруша подошёл к забору, сорвав зелёную ещё крыжовину, поморщась, лопнул шарик на зубах и, выжав сладковатый сок, отплюнул шкурку. Землёй уже лежало множество таких: она крыжовины зелёные срывала тоже и тоже сплёвывала шкурками жевки. Он прислонил к щели заборной глаз, выслеживая Дергунову, замер.

Расхаживала вдоль забора кура, и, обождав, пока ещё пойдёт, вдев пальцы в рот, присвистнул — кура понеслась, кучка, забила в лопухи и, закатив от ужаса глаза, затихла.

Звеня звонком, бренча багажником с привязанной подушкой, промчалась мимо наблюдательного пункта на своём «орлёнке» Василевских Сашка, и, отодвинув тайный лаз, просунув голову меж досок, смотрел, как под короткой плиссировкой юбки мелькают над педалями подковки узеньких сандаля.

Калитка скрипнула, и дряблая рука в пигментном крапе пролезла в щель, пытаясь сквозь нащупать ржавень и крючок.

— Идёт! — Он разогнулся, отпуская доску, грядками укропа, по клубникам промчался до крыльца, окликнул: — Ба! Она! — Но в доме было тихо, он бросился в пустую, под «баба — бьять!» на цыпочки поднялся, выдернул из щели язычок, зажал в кулак и, запыхавшись, вышел на крыльцо.

У лавочки уже стояла Дергунова, в своей мышинной кацавейке, с прокисшим репчатым лицом и с толстой папкой счёт-оплаты электрических услуг.

С задов, от дальнего двора, с ведром без дна, какому дном служил пружинистый каркас сорнячных веток, шла она, и, заговорщиком кивнув, её каёмочкой тропинки обойдя, разжал кулак. Газетный язычок упал в траву.

— Бог дай здоровьишка, Зинуль...

— Тебе, Верунь.

— Молитвами твоими. Чаво-то зачестила к нам...

— Не я частá, дела часты́.

— Петруш, это куда собрался-то?

— Я так...

— А так — ведро на́, бабе вынесь, не видишь — Зинасанна вон пришла.

— Помощник, Вер, растёт.

— Ой, Зин, спаси тебе осподь помощников таких... чаво стоишь-то, на веранду проходи.

Петруша зашагал с ведром нейтральной полосой малиновых рядов к помойке. Добжанский кот

Часть первая

в репейниках сидел, завалинкой бежали муравьи, садилось солнце, на Василевских стороне дядь Женя папин «Беломор» курил, тётъ Люба в их беседке накрывала ужин.

Толкнул калитку, вышел, продравшись сквозь кордон цеплючих веток ямы выгребной, одной рукой зажав от вони нос, за уголок седой половичок откинул, каким она для перегной укрывала общий сор; земля под ним дымилась, как будто в глубине зыбучих ворохов травы, осклизлых гущ, куриных косточек, личинок-червяков, под зуд зелёных мух, на земляных дрожжах, последнюю выпаривая влагу, тлел пожар.

Звонок, по кочкам прыгая зазвякал, багажник застучал — трата-та-та! Залаял за забором Сашкин Шарик, и, обгоняя мчащийся овраг, гремя, скрипя, педалями в уклон крутя, промчалась мимо Сашка с посвистом разбойным, ввернув восьмёрку задним колесом у их ворот, пришпорила коня и, осадив, похлопав по багажнику, сказала, обернувшись:

— Садись, до низа прокачу...

И ты летишь, вцепившись в железяку под седлом, раскинув кеды над крутящейся землёй, боясь, что пальцы вдруг прищепит ржавая пружина, а ветер ноги оторвёт, и майка Сашки прям об нос — хлоп-хлоп, — и за спиной её не видно впереди, как будто в пропасть. А мир назад, наверх свистит, а ты туннелем вниз под дикий треск прищепки в спицах, в колодец ужаса из двух заборов и времён, в котором, как в метро, сливаются сейчас и было с будет, деревья, крыши, небо, облака, забор-вагон,